

Этот возглас снова привлек внимание группы девушек, и веселье возобновилось. Увидев, как Сяо И увлеченно наслаждается происходящим, Хань Мяо покачал головой, достал два куска серебра и бросил их на землю:

— Кто напоит его до беспамятства, тому и достанется награда.

Глаза девушек загорелись, и, не обращая внимания на возмущенные крики Сунь Паньминя, они с хохотом окружили его. Наблюдая, как молодой человек едва справляется с их напором, Хань Мяо с улыбкой снова поднял бокал и откинулся на мягкие подушки.

Цюн, должно быть, действительно разозлился. Завтра придется как следует его успокоить. Но почему он так расстроился? Поднеся бокал к губам, Хань Мяо скрыл едва заметную улыбку.

Среди ночи Чжэнь Цюн проснулся от голода, встал, съел все закуски и выпил две чашки воды, после чего снова уснул. На этот раз он проспал до самого полудня.

Сонно приподнявшись, он некоторое время сидел в оцепенении, а затем вдруг крикнул:

— Аньпин!

Аньпин уже давно ждал снаружи. Вчера даосский наставник Чжэнь уснул, не поужинав, и, когда господин вернулся и узнал об этом, он снова отругал слугу. Сегодня утром, дожидаясь, пока Чжэнь Цюн не проснется, он велел дать ему поспать подольше и только потом отправился по делам. Поэтому Аньпин не осмеливался беспокоить даосского наставника, но был на грани отчаяния. Услышав зов, он тут же вошел:

— Я здесь! Даосский наставник, наконец-то вы проснулись...

Не дав ему закончить, Чжэнь Цюн спросил:

— Господин Хань еще дома?

Он не мог успокоиться, пока не выяснит все до конца!

Аньпин поспешно ответил:

— Господин ушел по делам, сказал, что вернется только после полудня.

Чжэнь Цюн взглянул на небо и понял, что проспал. Подумав, он снова спросил:

— А гость с прошлого вечера?

— Вы говорите о господине Сунь? Кажется, он еще не проснулся, остановился в главном дворе... — Аньпин только что закончил говорить, как заметил, что лицо даосского наставника изменилось, и испугался. Что случилось?

Чжэнь Цюн вскочил с кровати, несколько раз обошел комнату, но чувство гнева не утихло. Сжав кулак, он решительно заявил:

— Я пойду поесть!

Он больше не будет сидеть на диете! Будет есть, что захочет!

Аньпин осторожно спросил:

— А где бы вы хотели поесть, даосский наставник?

В это время, вероятно, завтрак уже не подают.

— В заведение Жэнь! — сквозь зубы произнес Чжэнь Цюнь. Он хотел посмотреть, чем это заведение так примечательно!

Хотя Аньпин не понимал, что происходит с даосским наставником, но, поскольку господина не было дома, он не мог его остановить. Лишь уговорил Чжэнь Цюня взять побольше денег, после чего приказал запрячь повозку, и они выехали за ворота.

Заведение Жэнь находилось на улице Жэнь, в восточной части Внутреннего города, не так далеко от усадьбы Хань. Через полчаса, стоя перед входом в заведение, Чжэнь Цюнь осмотрел его со всех сторон и фыркнул:

— Даже не сравнится с башней Фань!

Когда Хань Мяо впервые приехал в Восточную столицу, он сразу же пригласил его в башню Фань. Только по внешнему виду заведение Жэнь явно уступало.

Аньпин едва сдерживал смех. В полдень девушки из заведения еще спали, и без их красоты оно, конечно, выглядело не так эффектно, как башня Фань. Он лишь улыбнулся:

— Башня Фань — первая среди семидесяти двух главных заведений, естественно, она превосходит заведение Жэнь. Башня Фань находится всего в двух кварталах отсюда, может, даосский наставник выберет другое место?

Заведение Жэнь и башня Фань действительно находились недалеко друг от друга.

Но Чжэнь Цюнь покачал головой:

— Нет! Будем есть здесь!

Возможно, здесь еда вкуснее? Надо попробовать!

Что мог сказать Аньпин? Он лишь повел Чжэнь Цюня внутрь. Не став искать место в общем зале, он предусмотрительно выбрал отдельный кабинет. Траты здесь, конечно, были выше, чем внизу, но, если даосский наставник посчитает это дорогим, он мог предложить записать счет на господина Хань. Хотя он и не знал, что вызвало гнев Чжэнь Цюня, но, очевидно, это было связано с господином. Даосский наставник любил деньги, и, если он сможет поесть, не заплатив, то, возможно, вспомнит доброту господина и успокоится.

Хитроумные мысли Аньпина прошли мимо Чжэнь Цюня. Сидя в кабинете, он выслушал длинный список блюд, который быстро перечислил слуга, и, почувствовав головокружение, резко сказал:

— Пять ваших фирменных блюд!

Всего на одного человека, как он сможет съесть пять порций? Слуга замешкался, но, заметив взгляд Аньпина, не осмелился возражать и лишь улыбнулся:

— Сейчас передам заказ. Даосский наставник, есть ли у вас какие-то ограничения в еде? Что будете пить?

— Нет! Не нужно! — категорично ответил Чжэнь Цюн.

Слуга, почувствовав напряженную атмосферу, тут же удалился.

Вскоре на стол начали подавать изысканные блюда. Увидев золотые тарелки, Чжэнь Цюн понял, что заказал слишком много, и сказал Аньпину:

— Садись и ешь!

— А? — Аньпин был ошеломлен. Когда ему разрешалось сидеть за столом с почетным гостем?

— Ешь! Нельзя оставлять еду! — решительно заявил Чжэнь Цюн. У него есть деньги, и он может угощать других!

Увидев такую решимость, Аньпин не осмелился отказаться и осторожно сел сбоку. Чжэнь Цюн не обращал на него внимания и сразу же начал есть.

«Эта баранина не сравнится с жареными бараньими кишками за воротами Чжуцюэ. Эта паровая рыса хуже, чем в четвертом заведении к востоку от моста Чжоу. Что это за блюдо? Даже хуже, чем рубец в заведении Лу. А десерты слаще в заведении Ван...»

Каждое блюдо выглядело роскошно, но на вкус было, как воск. Чжэнь Цюн даже не мог вспомнить, какова была еда в башне Фань, зато отчетливо помнил каждое блюдо, которое он ел с Хань Мяо поздно вечером.

Он вдруг опустил палочки:

— Сколько стоит этот стол?

Аньпин тоже остановился и, взглянув, осторожно ответил:

— Без алкоголя этот стол должен стоять не больше 5 000 монет...

Он хотел сказать, что не стоит беспокоиться, счет можно записать на господина Хань. Но Чжэнь Цюн лишь фыркнул:

— Да уж, еда на золотых тарелках!

С Хань Мяо он мог есть с одного конца улицы до другого, и это не стоило бы и пятисот монет. Как можно продавать такую невкусную еду за такие деньги? Настоящая обманщица!

То ли он жалуется на цену, то ли придирается? Аньпин был в замешательстве и, не выдержав, спросил:

— Даосский наставник, у вас есть какие-то проблемы?

Проблемы? Чжэнь Цюн задумался. Да, о чем он сейчас беспокоится? Печь для пилюль стоимостью в сотни тысяч монет он может заменить без проблем, даже если она взорвется. Материалы на несколько тысяч монет израсходованы, но их доставляют прямо к двери. Еда и одежда не вызывают беспокойства, а простое движение руки приносит ему сто связок монет в месяц, не говоря уже о 10 % прибыли и процентах на сберегательной книжке.

Он стал таким богатым, у него нет проблем с алхимической лабораторией, с едой тоже все в порядке. О чем же беспокоиться? Если бы даже не пришлось подписывать контракт, было бы

еще лучше!

— О чем мне беспокоиться?! Едим! — Чжэнь Цюн начал есть с удвоенной скоростью.

Аньпин был поражен. Все прошло? Судя по тому, как даосский наставник ел, он действительно избавился от беспокойства. Но что же это было?

Не находя ответа, он лишь осторожно продолжил есть.

После трапезы Аньпин не успел предложить записать счет на господина Хань, как даосский наставник с легкостью заплатил. Несколько тысяч монет — и даже не моргнул. В любом случае, это уже не его забота, пусть господин сам разбирается.

Вздыхнув, Аньпин почтительно спросил:

— Даосский наставник, возвращаемся?

— Я прогуляюсь немного, — буркнул Чжэнь Цюн. Он так быстро наелся, что еда дошла до горла, и, если он сядет в повозку, его может вырвать. Как бы то ни было, это был обед за 4 800 монет, и он должен был сдержаться.

С трудом переставляя ноги, Чжэнь Цюн не переставал подбадривать себя. Все это из-за денег! Когда он спустился с горы, он мечтал основать свою школу, а теперь думает только о том, подписывать ли этот контракт. Нужно сосредоточиться на плавке пилюль. Тесты с квасцами уже прошли 239 раз, и, как бы трудно ни было, должен быть свет в конце туннеля. Когда он выделит новый металл, он станет «истинным человеком», о котором будут помнить в истории, и ему нужно будет выбрать особое даосское имя. Какие там контракты? Кому это важно?

Но, несмотря на такие мысли, Чжэнь Цюн все равно чувствовал тяжесть в груди, как будто там лежал камень. Может, он слишком быстро поел, и это вызвало проблемы? Он потер грудь. В последние дни сердце как-то странно себя вело, может, стоит обратиться к врачу?

Погруженный в размышления, он вдруг услышал шум рядом. Чжэнь Цюн повернул голову и увидел, как у ювелирной лавки разгорается ссора.

<http://bllate.org/book/16827/1547373>